

Европа: суверенитет, культурная идентичность и цивилизационная будущность

Историю европейской цивилизации последних столетий можно рассматривать как историю ослабления и ограничения ее политической субъектности, историю потери Европой полноты сначала внешнего, а затем и внутреннего суверенитета, равно как и роли вершительницы судеб всего человечества.

Известно, что к середине XVIII века значительное влияние в европейском балансе сил приобрела неевропейская по своим основам, но стремившаяся в ряды «политических народов» Россия. Ее мощь, а также влияние в Европе со временем нарастали. С периода Первой мировой войны большую роль в делах Старого Света стали играть Соединенные Штаты.

После Второй мировой Европа, как мы прекрасно помним, оказалась разделена по линии «Восток – Запад», и основные политические решения по отношению к ней принимались вне континента – в Вашингтоне и отчасти в Москве. Из всех европейских стран суверенитет, позволявший относительно самостоятельно действовать на мировой арене, вкупе с девальвирующимся статусом великих держав сохранили лишь Великобритания с Францией, так или иначе встроенные в атлантический, то есть американский, проект.

Крушение СССР позволило реализовать программы полного вхождения Европы в этот проект и дальнейшей ее десуверенизации, довольно стремительной. Если в начале 2000-х лидеры некоторых крупных европейских стран все еще могли не соглашаться с США по важным международным вопросам, таким как вторжение в Ирак в 2003 году, и вести в этих вопросах свою политику, то уже к 2010-м такие лидеры «мягким», демократическим путем были заменены проамериканскими фигурами. Единая Европа окончательно стала заокеанским проектом, в Старом Свете установился американский диктат.

Он настолько силен, что для того, чтобы его преодолеть, Европе нужна самая настоящая, как минимум политическая революция.

Против американского диктата выступают националисты и евроскептики, как правые, так и левые. Они сумели прийти к власти в нескольких периферийных, мало что решающих на общеконтинентальном уровне странах Евросоюза – Венгрии и Греции. Основой же Евросоюза являются, как известно, Германия и Франция. Они и только они могут стать локомотивами деатлантизации курса ЕС в целом.

Однако в Германии перспектива прихода к власти политической силы, приоритетом для которой будет являться национальный суверенитет, силы, которая сможет уверенно противостоять американскому диктату, в настоящее время практически не просматривается.

Хатунцев Станислав Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета.
E-mail: staskhat@comch.ru

В отличие от Германии, во Франции есть «Национальный фронт» и Марин Ле Пен, которые постепенно набирают политические очки. Однако получение и удержание ими государственной власти – не слишком вероятный сценарий. Поэтому не следует переоценивать перспективы деамериканизации властного пространства Европы. В обозримом будущем она останется политическим орудием США, направленным, в том числе, против пытающейся защитить свои национально-государственные интересы России.

Запад, как убедительно и наглядно показывают события, происходящие на Украине, – единая, хотя и сложно структурированная, система-сила, это глобальный лагерь, «центр тяжести» которого лежит за Атлантическим океаном; и европейские страны занимают в нем свои места не временно, по недоразумению, а совершенно сознательно. Ими управляет политическая элита, вскормленная атлантистскими ценностями, элита, для которой по большому счету не существует ценностей и ориентиров иного характера. Национальный, как политический, так и культурный, и в конечном счете цивилизационный суверенитет для ее представителей ни в коей мере не является приоритетом.

В тесной связи с ослаблением политической субъектности Старого Света находится проблема потери им своей этнокультурной идентичности. Первое неразрывно переплетено и связано со вторым.

Коренная Европа, ее историческая самость торпедированы массовым наплывом иммигрантов, которые в цивилизационном плане совершенно чужды и, как показывает практика, в социокультурном поле стран-реципиентов в массе своей не ассимилируются ни во втором, ни в третьем поколениях. Иммигранты и их не вполне натурализованные потомки в значительной степени представляют собою «общественный балласт», имеющий все признаки и задатки «социального динамита». В этом смысле иммигранты из неевропейских стран, в частности из мусульманского мира и из Африки, довольно точно соответствуют классу людей, которых в Древнем Риме именовали «пролетариями», то есть производителями потомства. Говоря словами А. Тойнби, они играют в Европе роль «внутреннего пролетариата» [1, с. 336], элемента, который образуется в эпоху так называемой городской революции и крушения аграрно-сословного общественного устройства, элемента, в значительной степени работающего на уничтожение цивилизованных обществ.

До Второй мировой войны Европа имела собственный – внутренний – пролетариат, который время от времени, в том числе с помощью Коминтерна, волновался и «потрясал устои», грозил революцией большевицкого типа. Но после 1945 года «внутренний пролетариат» перестал представлять проблему онтологического характера для Старого Света, который, столкнувшись с демографическим голодом, стал его удовлетворять за счет внешнего для него «пролетариата», прежде всего за счет миграции из цивилизационно далеких обществ. Таким образом, Европа, практически избавившись от «внутреннего пролетариата», заменила его пролетариатом импортным. Но со временем импортированный, «внешний» пролетариат стал пролетариатом внутренним. Новый «внутренний пролетариат» представляет для Европы гораздо большую угрозу, нежели старый, поскольку он отчужден от нее несопоставимо сильнее и это отчуждение запрограммировано на генетическом уровне. Как показывает опыт Японии, Южной Кореи, Тайваня, этот путь отнюдь не является единственным, неизбежным, для всех обязательным.

То, что происходит сейчас в Европе, – повторение цивилизационного алгоритма, который уже давно обозначил себя в мировой истории. Изучение и анализ этого алгоритма помогают в прогнозировании будущего Старого Света и человечества в целом.

Нынешняя коренная Европа представляет собой геокультурное сообщество кельто-романских и германских народов. Она проходит путь, аналогичный пройденному античным сообществом – поколением, или же формацией, которая предшествует кельто-романо-германской формации европейского культурно-исторического типа, то есть европейской цивилизации. Этот формационный путь или цикл в целом занимает два – два с половиной тысячелетия. В нем можно выделить четыре фазы, каждая из которых длится от четырех до шести столетий.

Принимая во внимание концепции О. Шпенглера [4] и В.Л. Цымбурского [3], эти фазы можно обозначить следующим манером:

1) время перехода от античного городского общества к аграрно-сословному кельто-романо-германскому обществу; оно приходится на V – середину IX века н.э.;

2) сам аграрно-сословный период кельто-романо-германцев; он занял середину IX – конец XV века;

3) эпоха городской революции; к ней можно отнести период европейской истории с XVI по первую половину XX века;

4) эра «мировых городов»; ее можно вести с середины XX века.

Таким образом, теперешнюю Европу следует сопоставлять с античным миром именно в его урбанистической фазе.

В нем тогда сложилось свое финальное, или же, по терминологии А. Тойнби, универсальное государство [1, с. 484–486] в виде Римской империи. Формой универсального государства для современной Европы выступает Евросоюз. Евросоюз античной эпохи, подобно Евросоюзу нынешнему, быстро и безвозвратно терял свою этнокультурную идентичность. Он являлся магнитом для множества периферийных народов, в его пределах происходили колоссальные перемещения и смешивание человеческих масс самого разного происхождения, национально-племенного и расового состава. Этот процесс стимулировался тогдашним аналогом политики мультикультурализма, плавильного котла «внутреннего пролетариата». На границах финального государства античной формации европейского культурно-исторического типа концентрировался «пролетариат внешний» – варвары, время от времени испытывавшие рубежи цивилизованного мира на прочность. В то же время в его пределах происходил небывалый культурный синтез, появлялось и утверждалось в реальной жизни множество оригинальных идей, бурно развивалась наука, складывались религиозные системы.

Необходимо признать, что на «городской» стадии формационного цикла возврат к этнокультурной гомогенности общества и к национальной государственности как таковой неосуществим и просто-напросто невозможен, поскольку смешение в этот исторический период – такой же, в сущности, необратимый процесс, как старение организма. Зато вполне возможен переход универсального государства в собственно цивилизационные рамки и к цивилизационному содержанию, поскольку универсальное государство как таковое – это прежде всего продукт не менее чем тысячелетнего развития того или иного поколения (формации) обществ, принадлежащих к конкретной цивилизации. В современном мире данный переход произойдет в том случае, если над глобалистическими тенденциями возобладают тенденции регионализации и культур-географические макрорегионы – «большие пространства», «месторазвития», «цивилизационные ниши» – конституируются в жизнеспособные системы политических, экономических и прочих учреждений. Две тысячи лет назад, в течение предыдущего формационного цикла, произошло именно это, но в настоящее время мондиалистский проект силен как никогда ранее в истории человечества и не желает сдавать занятых с боями позиций.

Следует иметь в виду, что урбанистический строй в силу своей неорганичности, перенасыщенности сложными и капризными институционно-техническими инфраструктурами и зависимости от них обладает сравнительно малыми запасами внутренней прочности, и в этом отношении он существенно уступает аграрно-сословному жизненному укладу. Городское общество гораздо более уязвимо, и его гораздо труднее восстановить, чем общество аграрно-сословное. Серьезные нарушения в урбанистическом мире быстро приводят к избыточной артефактами рухнувшей техносферы неоархаике в постапокалиптическом духе.

В античном обществе началом эры «мировых городов» можно считать правление Октавиана Августа, то есть конец I века до н.э. Соответственно, продлилась она до исхода V века н.э.

Но IV–V столетия представляли собою долгий закат. Рушиться общество «мировых городов» начало еще в III веке н.э., когда в Римской империи пала династия Северов. Это столетие явилось временем потрясений для всей Ойкумены, всего тогдашнего цивилизованного мира. Именно тогда, в III веке н.э., держателя Среднего Востока, Парфянский союз-конфедерацию, сменила империя Сасанидов, в Индии стала рассыпаться держава Кушан, в Китае пала династия Хань.

После III века н.э. городской строй античного мира был необратимо подорван, начался возврат к аграрному обществу, подталкиваемый процессом варваризации. Варвары, «внешний пролетариат», составляли всё более весомую часть населения универсальных государств, подобных Римской империи, и в конце концов захватили власть на всей территории западной ее части и в сасанидской Персии, жестоко потрясли Китай, а также Византию и Индию. В это же время по Великой Евразийской Степи проносились новоиспеченные орды, стремившиеся к пустевшим городам Ойкумены.

Нечто подобное – с поправкой на особенности современного мира – по всей вероятности, произойдет и по окончании нынешней урбанистической эры, которая ни в коем случае не обещает да и не может быть вечной.

Одним из важных отличий, которое будет диктовать специфику этого процесса для нынешнего поколения цивилизованных обществ, является отсутствие в современном мире «внешнего пролетариата» в том виде, в каком он существовал во времена античной формации и в эпоху архаических цивилизованных обществ, то есть в середине IV – конце II тысячелетий до н.э. «Внешний пролетариат» в его классической интерпретации, данной Арнольдом Дж. Тойнби, – важный элемент всемирно-исторического процесса. Он, с одной стороны, историю «обновляет», с другой – передает этой обновленной истории часть культурного наследия, правда, неизбежно варваризованную, тех цивилизованных обществ, вокруг которых он складывался, поскольку «внешний пролетариат», по сути, не что иное, как варварская периферия цивилизованного мира.

Частью «внешнего пролетариата», варварской периферии цивилизованного мира, во времена крушения античной формации выступали племена германцев, славян, уральских и алтайских этноязыковых групп. Именно с этими молодыми народами прежде всего и связаны нынешние, современные общества. А вот на границах последних «внешнего пролетариата», сопоставимого с теми же германцами и славянами эпохи кризиса античного мира, просто не существует [см. подр.: 2].

По-видимому, роль такого «внешнего пролетариата» в грядущих пертурбациях городского строя будут хотя бы отчасти играть народы так называемого «Великого Лимитрофа» – пояса территорий, разделяющего и соединяющего мегацивилизации Старого Света от Гибралтара до Приморья, тогда как за океаном в этой роли выступают обитатели Мезоамерики и бассейна Карибского моря, лежащих между Северо- и Южноамериканской цивилизационными нишами.

Если в Европе эра «мировых городов» началась в середине прошлого века, то закончится она, вместе со своею неизбежной агонией, не позже, чем через пять, максимум – шесть столетий. При этом необходимо учесть, что благополучный этап, период «цветения» городского строя, занял два – два с половиной столетия; затем последовал его закономерный, необратимый и неостановимый надлом, а за ним начался длительный упадок, сопровождающийся переформатированием цивилизованных обществ как минимум всего Старого Света.

Литература

1. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
2. *Хатунцев С.В.* Этапы освоения цивилизационных ниш и перспективы исторического процесса // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 125–128.
3. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1993; Т. 2. М.: Мысль, 1998.

Аннотация. В статье затрагивается проблема ослабления политической субъектности, суверенитета и этнокультурной идентичности европейской цивилизации. Автор полагает, что Европа вступила в четвертую, заключительную стадию постулируемого им формационного цикла – эру «мировых городов», и на этом основании проводит исторические параллели между современным сообществом кельто-романо-германских народов и античным миром I века до н.э. – V века н.э.

Ключевые слова: суверенитет, этнокультурная идентичность, Европа, США, цивилизации, атлантизм, Россия, внешний пролетариат, внутренний пролетариат, «городская» стадия формационного цикла.

Stanislav Khatuntsev, Ph.D. in History; Assistant Professor, Department of Russian History, Faculty of History, Voronezh State University. E-mail: staskhat@comch.ru

Europe: Sovereignty, Cultural Identity and the Future of Civilization

Abstract. The article dwells on the issue of fading political subjectivity, sovereignty and ethno-cultural identity of the European civilization. The author believes that Europe has entered the fourth and final stage of the developmental cycle it proclaimed – the Era of Global Cities, and draws historical parallels between the modern community of Celtic-Romano-Germanic peoples and in the ancient world of the 1st century BC – the 5th century BC.

Keywords: Sovereignty, Ethnic and Cultural Identity, Europe, USA, Civilization, Atlanticism, Russia, External Proletariat, Internal Proletariat, Urban Stage of the Formation Cycle.

Б.В. Межуев. Этот доклад дает возможность поставить вопрос, по которому у нас, может быть, возникнет дискуссия. Понятно, что такое быть консерватором по отношению к прошлому, – защищать какие-то институты прошлого. Более или менее понятно, что такое быть консерватором по отношению к настоящему, – защищать статус-кво против каких-то возможных резких его изменений. Но что такое быть консерватором по отношению к будущему – будущему, которое абсолютно не ясно, которое трансформируется и изменяется на наших глазах?

То, как рассказал докладчик об этом будущем, дает основания считать, что мы имеем о нем самое отдаленное представление. Что это будет – новое неравенство, о котором говорили в одном из докладов, или, наоборот, новый эгалитаризм, новое смешение всего, победа среднего европейца? Это будет какое-то новое глобальное государство, типа Европейского Союза или трансатлантического Запада, или всеобщий регионализм? Можно ли сформулировать консервативную повестку по отношению к процессу непонятно к чему ведущих изменений?